

Тан Буфань всегда чутко реагировал на звонки. С семи лет, когда он впервые пошёл в школу, и до самого выпуска, а затем и в те годы, что он сам преподавал, — вся его жизнь на протяжении без малого двадцати лет была подчинена расписанию звонков.

Тело давно выработало автоматический рефлекс: стоило раздаться резкому сигналу, как сонливость и усталость мгновенно слетали, уступая место абсолютной ясности ума.

Заметив, как беспробудно спавший до этого мужчина вдруг резко сел в постели, оба находившихся рядом зверолода опешили.

Первым опомнился Андерсон. Он самодовольно усмехнулся:

— Ну, и что я говорил? — в его голосе сквозило неприкрытое бахвальство. — Я десять лет проторчал в дурдоме. Уж кто-кто, а я лучше всех знаю, как привести человека в чувство.

Лу И даже не взглянул на него. Видя, что Тан Буфань наконец-то пришёл в себя, он почувствовал, как глаза предательски защищало от слёз. Склонившись над кроватью, юноша крепко, до хруста в костях, обнял мужчину.

— Учитель! Вы наконец-то проснулись... — Лу И с трудом выдавливал слова сквозь подступивший к горлу ком. Голос его дрожал и срывался на глухой всхлип.

Все эти двадцать дней он жил как в кошмаре, безумно боясь, что изнурительный жар, вызванный мутацией, выжжет мозг Тан Буфани. В поисках ответов двое изнывавших от тревоги зверолодов перерыли всю доступную сеть. Описанные там случаи подобных осложнений пугали до ледяной дрожи.

К счастью, Тан Буфань выкарабкался.

Мужчина явно чувствовал себя скверно. Пытаясь сориентироваться в пространстве, он хаотично замахал руками, задев спину и голову Лу И. На кончиках его пальцев теперь красовались острые, как бритва, когти. Заметив это, Андерсон тут же перехватил его тонкие запястья, не давая Тан Буфани вслепую расцарапать юноше лицо.

— Душно... как же душно... — тяжело дыша, прохрипел Тан Буфань.

Объятия Лу И сдавливали грудь, а кто-то чужой мёртвой хваткой сжимал его руки. Ощувив плотную ткань на лице, он запаниковал:

— Мои... мои глаза? Что с ними?

Лу И опомнился и поспешно разомкнул объятия. Принявшись осторожно разматывать повязку, он зашептал:

— Учитель, успокойтесь, прошу вас. С вашими глазами всё в порядке.

Убедившись, что Тан Буфань притих и больше не пытается драться, Андерсон отпустил его руки и шагнул к окну, чтобы задёрнуть плотные шторы дома на колёсах. Глаза новоиспечённого полуживотного сейчас были слишком чувствительны к свету.

В полумраке затенённого фургона двое мужчин затаили дыхание. Последний виток марли соскользнул вниз, открывая взору длинные, густые ресницы.

Они вздрогнули, точно крылья бабочки. Тан Буфань медленно, сощурившись, приоткрыл глаза. В темноте блеснули два глубоких обсидиана. Свет резанул по непривыкшей сетчатке: мужчина поморщился, зажмурился и часто-часто захлопал тонкими, розоватыми веками, прежде чем решился окончательно распахнуть глаза.

Он ошеломлённо переводил взгляд с одного на другого. Из-за долгой болезни Тан Буфань всё ещё выглядел измождённым, однако забота спутников, непрерывно поивших его питательной смесью, принесла плоды: на щеках появился едва заметный, нежный объём. Кожа приобрела удивительную текстуру — фарфорово-белая, с едва уловимым розовым отливом и проступающей сквозь неё прохладной голубизной вен. Теперь он походил на изысканную коллекционную куклу, хрупкую и невероятно дорогую.

Лу И замер, не выпуская его из рук. Он всегда знал, что его учитель привлекателен, но чтобы настолько...

Андерсон нахмурился, внезапно вспомнив, какими бранными словами он раньше награждал внешность этого человека, обзывая его уродом.

Сам же Тан Буфань пока не осознавал, что перешагнул черту мутации. Он растерянно оглядывался по сторонам. Лица спутников, очертания мебели в затенённом фургоне, тонкие полосы света, пробивающиеся сквозь занавески, — всё казалось удивительно ярким.

Хотя в машине царил полумрак, для него этот мрак словно светился изнутри. Это было трудно описать словами... Похоже на лунную ночь в глухой деревне, когда тьма становится прозрачной и позволяет разглядеть каждую травинку. Его охватило странное оцепенение. На мгновение показалось, будто это лишь продолжение затянувшегося бредового сна. Взгляд затуманился. Окружающая действительность осталась прежней, но воспринималась теперь совершенно иначе.

— Учитель? — тихо и тревожно позвал Лу И, заметив его отрешённость.

Тан Буфань с трудом сфокусировал взгляд на лице юноши. Помолчав секунду, он подался вперёд, принялся к его шее — и вдруг резко отпрянул, содрогаясь в рвотном позыве.

Брезгливо морщась, он поднёс к носу собственный рукав...

«Господи, ну и вонь...»

Его вывернуло с новой силой.

Лу И мгновенно залился густой краской. Андерсон, поджав губы, тихо отступил на пару шагов назад, стараясь держаться подальше. Шутка ли — никто из них троих не мылся уже добрых два месяца.

С зажатым ртом Тан Буфань рванул к душевой кабине. Лу И порывался пойти следом, но вовремя осёкся от смущения. Мужчина с грохотом захлопнул дверь, и изнутри донёлся приглушённый возглас:

— Я в душ... Ох, мамочки, ну и шмон!..

Пахло от него действительно знатно. На засаленной одежде до сих пор красовались бурые пятна крови двадцатидневной давности, а обильное потоотделение во время лихорадки довершило картину. Тан Буфань чувствовал себя ходячим филиалом свалки.

Вскоре за перегородкой зашумела вода. Оставшиеся в жилой зоне зверолюди переглянулись и, не сговариваясь, бросились настезь распахивать окна и двери фургона, чтобы хоть как-то разогнать удушливое амбре.

Немного потоптавшись на месте, Лу И принялся наводить порядок в запущенном салоне. Андерсон же молча опустился на сиденье у окна.

Впрочем, мысли юноши были бесконечно далеки от уборки. Подняв с пола старинное зеркальце, он подошёл к открытой двери, где было посветлее, и принялся судорожно приглаживать взъерошенные волосы.

— Завязывай с самолюбованием. Тебе спать пора, а не причёску наглаживать, — проворчал Андерсон, разглядывая его осунувшееся лицо и покрасневшие от лопнувших сосудов глаза.

Все эти двадцать один день, пока Тан Буфань балансировал между жизнью и смертью, Лу И практически не отходил от него ни на шаг и почти не спал. Андерсону в этом плане было попроще. Тревога грызла и его, но он хотя бы отвлекался — уходил бродить по окрестностям и собирать уцелевший хлам.

Лу И промолчал. Хмурясь, он опустил зеркало и осторожно коснулся пальцами своих ввалившихся щёк.

— Ладно тебе, не прибедряйся, — с лёгким пренебрежением бросил Андерсон. Он прекрасно понимал, что творится в душе парня: Тан Буфань после преобразования стал выглядеть невероятно эффектно, на его фоне любой почувствует себя неотёсанным мужланом. Но в конце концов, они ведь тоже не уроды какие-нибудь.

Поразмыслив, Андерсон требовательно протянул руку:

— Дай-ка сюда зеркало. Тоже гляну.

Понимая, что сейчас выглядит не лучшим образом, Лу И спорить не стал. Он молча отдал зеркальце и с хмурым видом уселся на стул с другой стороны складного столика.

Андерсон принялся придирчиво осматривать свою шею. Кожа на месте недавних жутких волдырей уже облезла и обновилась. Благодаря феноменальной регенерации зверолов от багровых следов ожогов не осталось и следа.

Удовлетворённо хмыкнув, Андерсон провёл ладонью по гладкой коже. Прислушиваясь к шуму льющейся в душевой воды, он негромко обратился к молодому напарнику:

— Видишь вон тот розовый пакет на полу? Подними-ка, загляни внутрь.

На полу фургона валялось несколько пластиковых мешков — добыча, которую Андерсон успел натаскать во время вылазок по заброшенному Пекину. Лу И скользнул взглядом по яркому пакету и недоумённо нагнулся, чтобы поднять его. Положив его на колени, он раздвинул пластиковые края. Внутри лежали ровные стопки маленьких герметичных коробочек. На них красовались надписи на двух языках, а крупный логотип складывался в латинские буквы:

[Durex]

— Что это такое? — нахмурился Лу И, вертя в руках коробочку, похожую на пачку сигарет. Мелкий шрифт инструкции был на китайском, в котором он читал с трудом.

— Презервативы, — не отрываясь от зеркала, ответил Андерсон. Он искоса зыркнул на восемнадцатилетнего зверолова: — Надеюсь, объяснять, как этим пользоваться, не надо?

Лу И оцепенел. Секунду спустя его лицо вспыхнуло пунцовым цветом. Подобные изделия вышли из массового употребления больше тысячи лет назад — сначала из-за дефицита ресурсов, а затем и по причине жёсткого контроля над рождаемостью. Сейчас разве что в подпольных мастерских Подземного города кустарно производили нечто подобное для весьма специфических клиентов.

Многие дикие зверолюди, лишённые даже базового образования, отродясь не слышали этого слова. Лу И, конечно, знал теорию, но вживую столкнулся с этим впервые.

— У нас с учителем... ещё ничего такого не было, — смущённо пробормотал он, стараясь говорить как можно тише. Сведя брови к переносице, он поспешно запихнул коробочку обратно. — Мне это не нужно.

— Не нужно? — Андерсон схватил со стола огарок свечи и запустил в него, раздражённо прикрикнув: — Да кого ты обмануть пытаешься, святоша недоделанный? У тебя, на секундочку, гены зверолода с полноценным гоним! Хватит строить из себя невинность.

Лу И промолчал, лишь сильнее насупился. Против фактов не попрёшь: его генетический код подразумевал периоды гоним, а поскольку он уже оставил на Тан Буфане свою метку, под влиянием его феромонов у новоиспечённого гоним вскоре тоже начнётся течка.

Андерсон отложил зеркало. Его тон стал заметно серьёзнее:

— Послушай совета старшего. Пока ваши отношения окончательно не утрясутся, даже не думайте о детях.

Он опустил взгляд на свой браслет и осторожно коснулся голограммы, где спал его «сын» Энтони. Голос мужчины приглушённо дрогнул:

— Не повторяй моих ошибок.

Лу И посмотрел на него со сложным чувством. Последние недели они постоянно грызлись из-за коматозного состояния Тан Буфани. Теперь, когда худшее осталось позади, глухая ярость в груди юноши улеглась, сменившись странным примирением.

— В любом случае... спасибо тебе, — Лу И аккуратно опустил розовый пакет на пол. Взгляд его упал на лежащую среди хлама соску-пустышку, которую Тан Буфань в бреду прокусил насквозь. — Ты действительно здорово нам помог.

Андерсон лишь ядовито усмехнулся:

— Местами мне до смерти хотелось придушить вас обоих. Но, с другой стороны... — он тяжело вздохнул. — Западной Федерации всё ещё нужен лидер. Да и наш дорогой «учитель»... не такой уж он и плохой человек.

Он перевёл свои холодные серебристо-серые глаза на юношу, и его голос зазвучал мягче:

— Вы оба чертовски упрямы и порете горячку. Впрочем, кто бы говорил... Я сам в ваши годы

был точно таким же идиотом.

Именно поэтому его жизнь в итоге закончилась палатой в психиатрической лечебнице.

Шум воды в душевой резко оборвался. Оба мужчины мгновенно замолчали. Секунду спустя из-за двери раздался чистый, звонкий голос Тан Буфаня:

— Лу И, принеси мне одежду, пожалуйста.

Юноша сорвался с места. Достав из дорожного сундука чистые вещи, он стремительно направился к ванной комнате. Но занеся руку для стука, внезапно осёкся и ревниво оглянулся на Андерсона.

Тот действительно с интересом поглядывал в сторону двери, но, натолкнувшись на предупреждающий взгляд молодого вожака, лишь иронично вскинул бровь и демонстративно отвернулся к окну.

Лу И успокоился и негромко постучал в дверь, замирая от сладкого предвкушения.

Дверь приоткрылась на ширину ладони, выпуская клубы ароматного пара. Лу И почувствовал, как сердце бешено заколотилось в груди. Когда из белого тумана высунулась изящная, тонкая рука, он невольно улыбнулся — до того красивой и нежной она казалась.

Острые когти исчезли, сменившись аккуратными человеческими ногтями. Юноша протянул стопку вещей. Тан Буфань перехватил ткань, мимолётно, словно случайно, проведя кончиками пальцев по его ладони.

От этого мимолётного касания по телу Лу И прокатилась горячая волна, заставившая сладко заныть каждую клеточку.

Дверь снова тихо закрылась.

А парень так и остался стоять на пороге, глупо улыбаясь во весь рот.

Андерсон закатил глаза. Ему очень не хотелось признавать, что этот влюблённый дурачок — будущий верховный правитель Западной Федерации.

— Он сейчас выйдет. Ты уверен, что хочешь оставить это прямо у него под носом? — Андерсон носком тяжёлого армейского ботинка легонько подпихнул розовый пакет на полу.

Лу И так и подскочил. Схватив пакет, он в панике огляделся по сторонам, после чего рванул к

кухонному уголку, распахнул дверцу под раковиной и затолкал добычу Андерсона в самый дальний угол.

В этот самый момент щелкнул замок. Тан Буфань шагнул в жилую зону. Лу И поспешно обернулся, стараясь казаться непринуждённым и загораживая собой тумбу. С замиранием сердца он уставился на мужчину, чья распаренная после горячей воды кожа светилась нежным румянцем.

— Ты чего там застрял? — Тан Буфань окидывал его недоумевающим взглядом. Осмотрев заваленный вещами салон, он поднял с пола полотенце, намереваясь промокнуть волосы.

Поднёс к лицу, приняхался — и тут же с отвращением отшвырнул в сторону.

«Мамочки, ну и вонь...»

Заметив выражение его лица, Лу И инстинктивно попытался отступить назад, но упёрся спиной в край раковины — деваться было совершенно некуда.

Конечно же, Тан Буфань тут же перевёл взгляд на него. Смутившись своего измученного и грязного вида, юноша попытался прикрыть лицо согнутой в локте рукой.

Тан Буфань нахмурился и подошёл вплотную. Кончиками пальцев он брезгливо подцепил край его засаленной куртки, шумно втянул носом воздух и без лишних слов аккуратно развернул парня за плечо, подталкивая к открытой душевой.

— Марш мыться.

— Угу, — послушно буркнул Лу И. Всё так же пряча лицо за рукавом, он пулей влетел в ванную и заперся изнутри. Его уши пылали от стыда.

Тан Буфань медленно повернул голову к Андерсону.

Сидящий у окна мужчина негромко кашлянул и мгновенно выпрямил спину, принимая максимально чинный и независимый вид.

Поскольку душ теперь был занят, выставить второго сожителя Тан Буфань не мог. Из распахнутых окон и дверей фургона сквозило свежестью, и мужчина, одетый лишь в старый тонкий свитер, зябко повёл плечами. Найдя глазами лежащую на диване тяжёлую волчью шкуру, он накинул её на плечи.

Сухое тепло мгновенно окутало его тело. Тан Буфань с удовольствием зажмурился. Несмотря на влажные, капающие на плечи волосы, под меховой накидкой было невероятно уютно —

тепло и свежо одновременно.

Он посмотрел на свои пальцы, которые теперь налились здоровым, розоватым цветом. Сомнений не осталось: он действительно превратился в полузверюда.

А главный виновник этой метаморфозы сидел прямо перед ним.

Закутавшись поплотнее в шкуру, Тан Буфань одарил Андерсона приторно-сладкой улыбкой. Он неторопливо подошёл к столу и с силой опустил на него ладонь.

Раздался звонкий хлопок. Серебряноволосый мужчина вздрогнул и вытянулся в струнку.

Тан Буфань плавно опустился на стул напротив него. На его лице, к которому вернулась былая, утончённая прелесть, заиграла ласковая, но обещающая множество весёлых минут улыбка:

— Какое счастье, что я всё-таки выжил, правда?

<http://bllate.org/book/19039/2003707>